

— Сегодня стряслось что-то хорошее? — по привычке поинтересовался Кавех, глядя на вернувшуюся парочку возмутителей спокойствия, которые буквально светились от радости.

— Избавились от токсичных отходов, — хором отозвались они.

Сюдзи Цусима и Сатору Годзё выдали эту фразу в унисон, ничуть не удивившись совпадению, будто отрепетировали всё заранее.

И то верно. Они разве что изощреннейшие пытки династии Цин не испробовали на Кэндзяку и пальцах Сукуны. И пускай им не суждено было лично увидеть финал, оба прекрасно знали: участь этих тварей окажется незавидной.

Жестяная банка из-под консервов исчезла из рук Сюдзи.

Кавеху не требовалось лишних объяснений, чтобы обо всём догадаться. Но поминать Кэндзяку в такой удачный момент было делом гибельным, так что он предпочёл сделать вид, будто ничего не заметил.

— Кстати, Кавех, у порога лежало письмо.

Сюдзи вытянул руку, демонстрируя конверт, запечатанный изящным сургучом, с каллиграфической надписью на русском языке.

— А?

Поскольку в этом мире Кавех удосужился выучить лишь два языка, беглый взгляд на незнакомые каракули не помог ему разобрать смысл написанного.

— Это мне.

Аль-Хайтам соткался из воздуха столь же внезапно, сколь и бесшумно, и забрал конверт.

Едва завидев знакомый сургучный оттиск, он сразу понял, откуда прислали весточку. Но чтобы узнать, какому именно бездельнику из старых знакомых пришла в голову блажь написать ему, следовало прочесть содержимое.

— Твой друг по переписке? — Кавех нахмурился, почуяв неладное.

— Нет. Скорее... старый знакомый, — ровно отозвался Хайтам.

Но какое здесь могло быть «прошлое»?

Они могли рассуждать о былом в Академии, в Сумеру или у Гробницы царя Дешрета, но здешнее «прошлое» казалось бессмыслицей. В этом мире они провели едва ли год, и, кроме стен собственного дома, делить им было нечего.

О каком былом могла идти речь?

— Значит, тогда, когда ты исчез... — Кавех озвучил единственную пришедшую на ум догадку.

Пожалуй, когда секретарь целым и невредимым вернулся назад, а вокруг завертелась кутерьма с Сатору Годзё, Кавех проявил непростительное легкомыслие, так толком ни о чём и не расспросив.

— Я побывал в прошлом этого мира.

— И как долго тебя не было?

— Три месяца.

— Ну ты и... — Кавех осёкся.

Вечно он молчит как партизан.

Кавех прекрасно знал невыносимый нрав сожителя: в делах, не задевавших его любопытство, секретарь был феноменально ленив. Он либо игнорировал, либо намеренно обходил стороной всё, что требовало лишних усилий и казалось ему бесполезным. А если объяснять было слишком долго, Хайтам попросту замыкался в себе.

В этом плане они стояли друг друга — два закипающих котла, которые вечно держали пар в себе, пускай и свистели по разным поводам.

Под пристальным взглядом Кавеха Аль-Хайтам безжалостно разломил пополам сургучную печать и извлек из конверта небольшую открытку. На ней синели всего две короткие строчки.

— И что там? — не выдержал архитектор.

— В переводе: «Давно не виделись».

Туманные намёки разжигали любопытство. Кавех — да и дети, притаившиеся неподалёку, — буквально изнывали от желания разузнать подробности.

— Я оказался в России, где столкнулся с весьма колоритными эсперами. Один из них только

что прибыл сюда, — пресёк расспросы Аль-Хайтам, выдав сухую выжимку информации.

Кавех поперхнулся воздухом и смог выдать лишь невнятное:

— А...

— И сейчас он в Токио.

Оказавшись в Токио, Фёдор Михайлович Достоевский не спешил наносить визит Аль-Хайтаму. Он ограничился лишь коротким уведомлением о своём прибытии.

То ли ему хотелось посмотреть, сохранит ли учитель былое олимпийское спокойствие в новых декорациях, то ли им двигало желание преподнести сюрприз, в котором испуга будет куда больше, чем радости.

Фёдор терпеть не мог раскрывать карты раньше времени. Эта привычка въелась в саму его суть. В Русском литературном сообществе кое-кто за глаза величал его Крысой — прозвище он принимал с кроткой улыбкой, чтобы впоследствии тихо и изощрённо отомстить шутникам.

«Шаманы... Мир магов».

Фёдору было достаточно вдуматься в само понятие «мир магов», чтобы разглядеть за ним бездонную гордыню, присущую этим людям. Если провести жирную черту между собой и простыми смертными, глупо уповать на то, что в твоей душе останется место смирению.

Даже эсперы не отделяли себя от государства и не додумались провозгласить собственный «мир эсперов».

Удача Фёдора была капризной дамой — то улыбалась, то отворачивалась.

Но сегодня она явно благоволила ему.

Неподалёку читали заклинание. Судя по собранным сведениям, это была Завеса — барьер, призванный скрыть дела магов от глаз обывателей.

Фёдор оказался прямо внутри очерченного круга. Скользнув под чёрный купол, он безучастно наблюдал за тем, как низкоранговый шаман из последних сил отбивается от проклятого духа, явно превосходящего его по силе.

Юноша был совсем ещё ребёнком. Сквозь грязь на его щеках проступала детская пухлость. Поношенная чёрная форма скрывала пятна пыли и копоти, а глаза, в которых должна была искриться жизнь, заливала тёплая кровь.

Если умыть это лицо, перед глазами предстанет обычный старшеклассник. Ему бы корпеть над учебниками, выбирать школьный кружок по душе и наслаждаться беззаботными днями. Но пробудившаяся проклятая энергия перечеркнула всё. Отныне его уделом стали уродливые морды проклятий и ложь сверстникам, которым нельзя открывать правду.

Дрался он неумело. Движения выходили рваными, замахи — неточными; парень то и дело спотыкался, выдавая нехватку тренировок. Его проклятая техника, единственная защита в этом аду, казалась жалкой игрушкой на фоне беснующейся твари.

Сделай юнец шаг в сторону на секунду позже, и его бездыханное тело уже остывало бы на асфальте.

— Какая жалость... Жалкие сироты, лишённые благодати.

Было очевидно, что парень угодил в капкан из-за неверных разведанных. Глядя на то, как неопытного бойца бросили на растерзание сильному врагу, Фёдор мысленно опустил планку оценки дееспособности верхов мира магов на несколько делений.

Выводы были сделаны. Поправив ушанку, Фёдор спрыгнул с подоконника и подошёл к самому краю Завесы, дожидаясь её рассеяния.

Сквозь мутную пелену барьера внешний мир казался серым и безжизненным. Фёдору вспомнились английские фабричные предместья, где угольный дым застилал небосвод грязной копотью, рассеивавшейся мучительно долго. Только здесь не было ни заводов, ни рабочих.

— Дряхлые старики продлевают свой век за счёт юных жизней.

Те же вампиры, только маскируются лучше.

Ожидание затягивалось. Молодой шаман напоминал выброшенную на берег рыбу — ещё несколько судорожных вздохов, и наступит конец.

Словно подтверждая его мысли, «рыба» совершила последнее отчаянное усилие, разорвав ядро проклятия. В ту же секунду Завеса начала таять.

Оказалось, несчастному не полагалось даже носилок. Вспомогательный куратор без лишних церемоний предал тело сошедшегося в смертельной схватке с монстром юноши огню прямо на месте. Чёрный пепел взвился в воздух, подхваченный порывом ветра. Далеко улететь ему было не суждено — он оседет на дорогу, чтобы быть растоптанным прохожими.

Впрочем, куратор наступил на прах погибшего прямо сейчас, даже не заметив этого.

«Дешёвая смерть».

Фёдор перешагнул через кучку пепла, скользнувшую к его сапогам, и неторопливо побрёл прочь, напоминая ищущего новое убежище грызуна.

Ему казалось, что эта захолустная страна не стоит его внимания. Теперь же он убедился: здешние порядки мало чем отличались от законов трущоб в его родных краях. Какое убожество.

«Ужасно. Они ведь заражают своей гнилью всё вокруг».

Мадемуазель Полина вместе с господином Тургеневым пытались навести подобие порядка в их краях. Узнав о горькой доле Сонечки, они приютили её, устроив на работу с возможностью учиться. Так сложился этот благообразный кружок праведников. Вместе с господином Толстым, с головой ушедшим в служение отечеству, они излучали столь ослепительный свет, что у Фёдора слезились глаза.

В такой стерильной белизне ему, Крысе, было не по себе.

«Если перед вами окажется умирающий человек, преграждающий путь к великой цели, каков будет ваш выбор?» — спросил Фёдор перед отъездом.

«Если дело спасёт тысячи жизней, я взвалю на плечи прах усопшего и поднимусь ещё выше», — ответил тогда господин Толстой.

«Спасение ближних и духовные искания — это и есть наше поприще. Здесь нет противоречия», — таков был ответ Полины и Ивана Сергеевича.

У любого вопроса множество решений, у любого дела — уйма путей. Однако Фёдор всегда предпочитал самый радикальный. Рассечь нарыв хирургическим ножом — жестоко, хладнокровно, зато раз и навсегда.

Его за это проклинали, но менять методы он не собирался, да и недосуг было кому-то тратить время на его перевоспитание.

«Пожалуй, здесь можно провести эксперимент».

Людей мало, территория скромная. Даже если последствия выйдут боком, катастрофы планетарного масштаба не случится.

Фёдор понимал, что его непременно сочтут высокомерным. Но как иначе, если каждую секунду своего земного бытия он соприкасался с истинами, недоступными простому люду? Он препарировал чужие поступки, с математической точностью вычисляя расстояние от каждого грешника до бездны ада.

Шаманы в его глазах были обычными эсперами, бездарно транжирившими свой дар. Правящая верхушка выжимала их досуха, превращая в терпкое вино для своих хрустальных бокалов, а затем брезгливо кривилась, жалуясь на избыток осадка и слишком резкий запах крови.

Что ж, если проклятия заслуживают суда...

Если эта закостенелая, прогнившая система должна быть предана анафеме...

Тогда, пожалуй, подобные сегодняшнему юноше несчастные проживут на этом свете чуточку дольше.

<http://bllate.org/book/18256/1755737>